

ГЛАВА I

МИСС ПОЛЛИ

В то июньское утро мисс Полли Харрингтон вошла в кухню торопливо, что само по себе казалось странно: мисс Полли всегда вела себя сдержанно и гордилась безупречностью своих манер. Но в тот день она, похоже, была чем-то обеспокоена.

Нэнси, мывшая в раковине посуду, удивлённо оглянулась. Она проработала на кухне у мисс Полли всего два месяца, но уже знала, что её хозяйка не склонна суетиться.

— Нэнси!

— Да, мэм, — бодро ответила Нэнси и продолжала вытирать кувшин

— Нэнси! — голос мисс Полли внезапно посуровел. — Будь добра отложить свои дела, когда я с тобой разговариваю, и выслушать меня.

Нэнси смутилась и покраснела. Она тут же отставила кувшин, как был, с полотенцем на горлышке — полотенце перевешивало, кувшин чуть не перевернулся. Только этого не хватало!

— Да, мэм, слушаю, мэм, — забормотала она, подхватывая кувшин и ставя его понадёжнее. — Я с посудой-то возилась потому только, что вы же мне с утра сказали побыстрее с ней управиться, сами знаете.

Мисс Полли нахмурилась.

— Довольно, Нэнси. Я просила тебя не объяснять, а внимательно меня выслушать.

— Да, мэм. — Нэнси подавила вздох. Возможно ли вообще угодить этой женщине? Прежде ей не доводилось работать «в людях», но хворая мать, внезапно овдовев и не зная, на что растить троих младших, ожидала какой-то поддержки от Нэнси и была так счастлива, когда старшая дочь устроилась на кухне в большом доме на холме: сама Нэнси жила в «Углах», в шести милях отсюда, и прежде знала мисс Харрингтон лишь как владелицу старинного имения Харрингтонов, с кем мало кто в городе мог равняться богатством. Так было два месяца назад — а теперь она знала мисс Полли как суровую, вечно хмурую женщину, которая морщилась, стоило ножу упасть на пол или двери громко хлопнуть, но ей в голову не приходило улыбнуться, если ножи и двери вели себя тихо.

— Когда закончишь с утренними делами, приberi маленькую комнату в мансарде, — велела мисс Полли, — и застели кушетку. Подмети и вымой пол — разумеется, после того, как вынесешь оттуда чемоданы и коробки.

— Да, мэм. А куда сложить что вынесу?

— На чердак, в передней части дома. — Мисс Полли помедлила, затем продолжала: — Думаю, лучше предупредить тебя прямо сейчас. Ко мне приезжает племянница, мисс Поллианна Уиттер. Ей одиннадцать лет. Она будет жить в той комнате.

— Маленькая девочка — и она будет жить здесь, мисс Харрингтон? Ой, как чудесно! — воскликнула Нэнси: её-то сестрёнки в «Углах» были светом и солнышком.

— Чудесно? Лично я бы выразилась иначе, — сдержанно возразила мисс Полли, — однако я,

разумеется, сделаю всё, что в моих силах. Надеюсь, я вправе называть себя порядочным человеком и знаю, в чём состоит мой долг.

Нэнси покраснела пуще прежнего.

— Само собой, мэм, я только про то, что с маленькой девочкой вам будет... будет веселее... — сбивчиво принялась оправдываться она.

— Благодарю за такую заботу, — сухо ответствовала хозяйка. — Однако не думаю, чтобы мне требовалось «веселье».

— Но вы же... вы же хотите, чтобы она жила с вами, раз это дочка вашей сестры, — осмелилась напомнить Нэнси, отчасти уже догадываясь, что маленькую одинокую странницу вовсе не ждёт тёплый приём и с этим надо что-то делать.

Мисс Полли высокомерно вздёрнула подбородок:

— Право, Нэнси, из того, что мне досталась в сестры дурочка, только и думавшая о том, как выйти замуж и нарожать никому не нужных детей, когда мир и без того перенаселён, никак не следует, что я непременно захочу поселить её детей у себя и взять на себя заботу о них. Тем не менее, как я уже сказала, я, смею надеяться, знаю, в чём состоит мой долг. В углах грязь не оставляй, Нэнси! — напоследок предупредила она и вышла из кухни.

— Да, мэм, — вздохнула Нэнси, берясь за почти высохший кувшин. На стенках остались разводы. Придётся ещё раз прополоскать.

У себя в комнате мисс Полли вновь вытащила письмо, пришедшее два дня тому назад из далёкого города на Западе. Такой неприятный сюрприз. Адресовано мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилль, Вермонт.

«Мадам, с прискорбием извещаю вас о том, что преп. Джон Уиттер скончался две недели назад, оставив сиротой единственного ребёнка, девочку одиннадцати лет. Рассчитывать на какое-либо наследство, за исключением нескольких книг, у неё оснований нет, ибо, как вам, разумеется, известно, его приход очень невелик и жалование было скудным.

Насколько я понимаю, его покойная супруга приходится вам сестрой, однако пастор не раз давал понять, что отношения между вашими семьями не сложились. И всё же он надеялся, что ради памяти сестры вы, возможно, пожелаете принять девочку и вырастить её среди родных на Востоке. Поэтому я вам и пишу.

К тому времени, как вы получите это письмо, девочка будет готова отправиться в дорогу, и, если вы можете взять её к себе, мы были бы весьма рады получить от вас подтверждение, поскольку вскоре на Восток отправляется супружеская пара, которая готова довести девочку до Бостона и посадить её в поезд до Белдингсвиля. Разумеется, мы известим вас о дате и времени прибытия поезда, которым приедет Поллианна.

Надеюсь в ближайшее время получить от вас благосклонный ответ.

Остаюсь

Искренне ваш

Джеремая О. Уайт».

Хмурясь, мисс Полли сложила письмо и сунула его в конверт. Накануне она ответила и, разумеется, подтвердила, что примет дитя. Иначе быть не может: она прекрасно знает свой долг и исполнит его — каким бы неприятным он ей ни представлялся.

8 Сейчас, сидя с письмом в руках, мисс Полли невольно задумалась о Дженни, своей сестре и матери этой девочки. Она вспомнила, как двадцатилетняя Дженни настояла на своём и обвенчалась с молодым пастором. У неё был богатый поклонник, и, конечно, родители предпочли бы выдать Дженни за него, но дурочка упёрлась и никого не желала слушать. Поклонник был богат не только деньгами, но и годами, а у священника были одни лишь юношеские идеалы и мечты да сердце, полное любви. Дженни оценила мечты и любовь дороже денег — надо полагать, это вполне естественно, — вышла замуж за своего пастора и отправилась с ним миссионерствовать на юг.

Семья порвала с ней. Мисс Полли отчётливо помнила, как это произошло, хотя ей, самой младшей, было в ту пору всего пятнадцать. С женой миссионера Харрингтоны отношения не поддерживали. Конечно,

Дженни им порой писала и даже назвала единственную выжившую дочь Поллианной в честь двух своих сестёр, Полли и Анны. Вскоре после рождения Поллианны пришло последнее письмо, а несколько лет спустя пастор короткой душераздирающей запиской, посланной из маленького городка на Западе, уведомил родственников о смерти Дженни.

Время не пощадило и обитателей большого дома на холме. Глядя за окно на простиравшуюся за горизонт долину, мисс Полли перебирала в уме случившиеся в последние четверть века перемены.

Ей уже сорок, и она совсем одинока. Родители, сёстры — все умерли. Она давно стала единственной хозяйкой дома; ей одной достались завещанные отцом немалые деньги. Кое-кто из знакомых откровенно сочувствовал её одиночеству, уговаривал обзавестись подругой или компаньонкой, поселить женщину у себя в доме, но мисс Полли не просила ни жалости, ни чужого совета. «Меня не тяготит одиночество, — отвечала она. — Мне нравится жить одной. Я люблю, чтобы вокруг было тихо». Но теперь...

Мисс Полли встала — на лбу всё та же морщина, губы плотно сжаты. Да, разумеется, она рада, что она — порядочный человек и не только знает, в чём состоит её долг, но и обладает достаточной силой характера, чтобы этот долг исполнить. Однако — ПОЛЛИАННА! — до чего нелепое имя.

ГЛАВА II СТАРЫЙ ТОМ И НЭНСИ

10 **Т**ем временем в маленькой чердачной комнате Нэнси яростно скребла пол и особенно старательно вычищала углы. Случалось с Нэнси такое, что она принималась усердно трудиться не столько из нелюбви к грязи, сколько от злости на хозяйку — хоть девушка и подчинялась со страхом мисс Полли, но терпения у неё было поменьше, чем у святых.

— Вот бы! Так! Все! Углы! В её! Душонке! Выдраить! — бормотала она, раз за разом наносив свирепые выпады шваброй. — Уж там-то следовало бы всё как следует вымыть да начистить. Додумалась же запихать бедную крошку с глаз долой в душную комнатёнку — а в зимний холод тут не будет огня, — а у самой целый большой дом, выбирай что захочешь. Никому не нужные дети, вот оно как! — Тряпку Нэнси выжала с такой силой, что занули пальцы. — А по мне, так есть кое-кто ещё более ненужный, чем дети, — прямо тут!